

**Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН
и проблемы выхода Венгрии
из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.)**

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 100–131.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06

Статья поступила в редакцию 01.12.2022.

Аннотация

Мощнейшее восстание в Будапеште 23 октября 1956 г., сразу поставившее под угрозу существование коммунистического режима в Венгрии, и ввод советских войск в целях его подавления вызвали широкий международный резонанс, что привело 28 октября к постановке «венгерского вопроса» в повестку дня сначала Совбеза, а затем и Генассамблеи ООН. В ноябре, по мере ослабления напряженности на Ближнем Востоке, возникшей вследствие нападения Великобритании, Франции и Израиля на Египет, национализировавший Суэцкий канал, обсуждение положения в Венгрии вышло в ООН на первый план. В условиях противодействия СССР принятие Генассамблеей ООН в ноябре — декабре 1956 г. многочисленных резолюций по Венгрии не приносило реального эффекта, за исключением тех, что позволили улучшить положение 200 тыс. венгерских беженцев, устремившихся после подавления революции в Австрию и Югославию. В 1957 г. предметом обсуждения Генассамблеи становится отчет специального комитета ООН по Венгрии, образованного с целью изучения сложившейся вследствие советского военного вмешательства ситуации в стране. В последующие годы США и их союзники используют обсуждение «венгерского

вопроса» в ООН в пропагандистских целях, в стремлении к ослаблению советского влияния на страны пробуждающегося «третьего мира». При этом он с каждым годом занимал все более периферийное положение. Его последующая судьба находилась в прямой зависимости от дальнейшей эволюции режима Я. Кадара. Снятие этого вопроса с повестки дня ООН в 1963 г. стало откликом на объявленную всеобщую амнистию осужденным участникам восстания 1956 г. Оно окончательно вывело кадаровскую Венгрию из дипломатической изоляции, в которой страна оказалась после незаконной смены власти в ноябре 1956 г. при прямой советской военной поддержке.

Ключевые слова

Венгерский кризис 1956 г., Организация Объединенных Наций, Янош Кадар, внешняя политика СССР, внешняя политика Венгрии, восточноевропейская политика США, Суэцкий кризис 1956 г., антиколониальные движения в странах «третьего мира», советский блок, межблоковые отношения в условиях Ялтинско-Потсдамской системы.

Включение «венгерского вопроса» в повестку дня ООН, вызванное советской интервенцией в Венгрии осенью 1956 г., и бурные дискуссии вокруг положения в этой стране, происходившие сначала в Совбезе, а затем и на Генассамблее ООН с конца октября по середину декабря 1956 г., многократно привлекали внимание исследователей¹. Однако в нашей отечественной науке до сих пор остаются фактически не изученными мотивы, которые заставляли США и их

¹ Нам представляется важным сборник на венгерском языке под редакцией Ч. Бекеша и Г. Кечкеша, включающий в себя статьи, подборку ключевых документов и подробную хронологию событий: A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia / szerk. Békés Cs., Kecskés G. Budapest, 2006. Из англоязычных работ следует выделить монографию Д. Кэлхуна, в которой обсуждение «венгерского вопроса» в ООН поставлено в контекст урегулирования Суэцкого кризиса, также достигшего своей кульминации в конце октября 1956 г.: *Calhoun D. F. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History.* Lanham, 1991. Из новейших публикаций см. нашу статью: *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН // *Славяноведение.* 2022. № 3. С. 32–51.

союзников удерживать вплоть до 1963 г. «венгерский вопрос» в качестве предмета обсуждения на сессиях Генассамблеи ООН несмотря на то, что уже к осени 1959 г. (ко времени известной сентябрьской поездки Н. С. Хрущева в США) он явно не относился к числу факторов, хоть сколько-нибудь осложнявших американо-советские отношения. Можно ли говорить только о нежелании Вашингтона отказываться от реального (пусть не слишком эффективного) рычага давления на кадаровскую Венгрию в целях дальнейшей либерализации ее внутривластного режима, или за этим стояли расчеты более общего порядка, связанные с острой конкуренцией сверхдержав за влияние в мире в условиях активизации антиколониальных движений в Азии и Африке?

Сколь ни было бурным обсуждение «венгерского вопроса» в ООН начиная с 28 октября 1956 г., когда Совбез ООН впервые со времен Корейской войны начала 1950-х гг. собрался даже в воскресный день, ни одна из принятых резолюций с осуждением силовой акции в Венгрии и требованием вывода советских войск из страны не имела эффекта. Гораздо более результативной оказалась деятельность структур, функционировавших под эгидой Верховного комиссара ООН по делам беженцев². Как бы то ни было, к концу декабря 1956 г. обсуждение на Генассамблее ООН «венгерского вопроса» зашло в тупик. Ведь в Будапеште не давали согласия ни на посещение страны генсеком ООН Дагом Хаммаршельдом, ни на присылку наблюдателей ООН. Причем мировое сообщество не обладало сколько-нибудь полной и объективной информацией о положении в стране, где с начала декабря происходило ужесточение внутренней политики режима Я. Кадара, установленного 4 ноября при прямой советской военной поддержке: силовой разгон протестных демонстраций, сопровождавшийся большими человеческими жертвами; запрещение деятельности рабочего совета Большого Будапешта, выступавшего в ноябре 1956 г. в качестве альтернативного органа

² В общей сложности из Венгрии бежало в Австрию около 180 тыс. человек, а около 20 тыс. — в титовскую Югославию. Массовый наплыв беженцев в Австрию создал трудности, которые были преодолены с подключением международных организаций и рассредоточением мигрантов по разным странам мира. См.: К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество, 1956–1957 // *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической перспективе. М., 2016. С. 287–340.

власти; несколько позже, в январе 1957 г., приостановка деятельности творческих союзов.

Очередная сессия Генассамблеи ООН возобновила работу после рождественских каникул, и 5 января 1957 г. Хаммаршельд информировал представителей международного сообщества о том, что венгерское правительство снова отказалось принять наблюдателей ООН, согласившись лишь на кратковременный приезд (без афиширования в прессе) делегации для обсуждения ряда конкретных вопросов оказания Венгрии гуманитарной помощи³. 10 января в целях прояснения положения в стране и тенденций его дальнейшего развития сессия Генассамблеи большинством голосов (59 за, 8 против и 10 воздержавшихся) учредила специальный комитет (или комиссию), которому было поручено углубиться в изучение «венгерского вопроса» и представить свой доклад на рассмотрение ООН осенью 1957 г.⁴ В комитет вошли представители пяти стран пяти континентов — Дании (ключевой фигурой, секретарем комитета, стал датский дипломат П. Банг-Йенсен), Туниса, Цейлона, Уругвая и Австралии⁵. В тот же день Генассамблея в своем обращении призвала СССР и Венгрию, как и другие страны, оказать комитету помощь в выполнении его задач, а 25 января Хаммаршельд передал официальным представителям СССР и Венгрии текст соответствующей резолюции, призвав их власти посодействовать приезду членов комитета в Венгрию, где были бы созданы нормальные условия для их работы⁶. 14 марта комитет обратился также к правительству Румынии с просьбой организовать встречу

3 Здесь и далее при датировке конкретных событий мы опираемся прежде всего на хронологию, опубликованную в вышеупомянутой книге: *A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963...*

4 Хотя было бы более правильно называть эту структуру «комитетом» (в англоязычном оригинале: *Committee*), в советских (русскоязычных) источниках, причем не только в выступлениях прессы, но даже в ведомственных документах МИД СССР, за ней довольно прочно закрепилось и другое наименование — «комиссия».

5 Дипломатия СССР и его союзников сочла неприемлемым невключение в комитет представителя наиболее «заинтересованной стороны», а именно кадаровской Венгрии. Необходимо при этом иметь в виду, что в силу непризнания на международной арене этого правительства, приведенного к власти в результате советской интервенции, полномочия представителя Венгрии в ООН были фактически приостановлены уже в ноябре 1956 г.

6 См.: Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 47. Оп. 4. Пор. 23. Папка 60. Л. 4–6.

с депортированным в эту страну главой свергнутого 4 ноября венгерского правительства Имре Надем⁷.

Поскольку и Венгрия, и Румыния категорически отказались принять членов комитета, изучение ситуации непосредственно на месте событий не представлялось возможным. Положение не изменилось и после 19 марта 1957 г., когда Хаммаршельд передал венгерскому представителю письмо специального комитета, в котором выражалась надежда на то, что венгерские власти все же пересмотрят свою позицию и помогут провести необходимое расследование. В этих условиях комитет стал использовать данные западных дипломатов, журналистов, представителей Международного Красного Креста, находившихся в Венгрии в дни революции и в первые недели после ее подавления. Вместе с тем не менее важным источником информации явились обработанные сведения, полученные от беженцев — как переправленных в США (таковых оказалось около 30 тыс.), так и осевших в Западной Европе, куда члены комитета также неоднократно выезжали в ходе работы. С начала 1957 г. в западных странах и прежде всего в США на базе Колумбийского университета при финансовой поддержке американских разведслужб осуществлялась программа интервьюирования венгерских беженцев. В этой работе участвовали видные социологи, в том числе выходцы из Германии, продолжавшие традиции Франкфуртского института социальных исследований. В результате был собран богатейший, хотя и нуждающийся в критическом осмыслении материал. Непосредственно в рамках работы комитета было интервьюировано 111 человек, людей разных возрастов, социальных страт, специальностей, резко различавшихся между собой по уровню образования и убеждениям. Были проведены обстоятельные беседы не только с рядовыми участниками и свидетелями венгерских событий⁸, но и с теми, кто

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ В стремлении дискредитировать деятельность комитета официальные Москва и Будапешт указывали на неясность критериев отбора свидетелей, использование в качестве свидетелей только оппонентов режима, и в том числе лиц, с оружием в руках выступавших против действующего правительства. Еще одним пороком называли анонимность опубликованных свидетельств, затруднявшую перепроверку полученных данных. Причины анонимности вполне понятны ввиду опасений, что раскрытие имен свидетелей поставит их под угрозу спецслужб советского блока, а оставшихся в Венгрии родственников может сделать объектами преследований политической полиции в самой стране.

играл в них заметную роль, а потом сумел выехать на Запад (А. Кетли, Б. Кирай, Й. Кёваго).

Анна Кетли (1889–1976), ветеран и довольно видная фигура венгерской социал-демократии, была в числе тех деятелей своей партии, кто в июне 1948 г. выступил против слияния коммунистов и социал-демократов и не вошел в созданную таким образом Венгерскую партию трудящихся. Приговоренная режимом Ракоши к пожизненному заключению, она провела несколько лет под арестом и была освобождена уже после XX съезда КПСС под давлением западной социал-демократии. В революционной атмосфере последних дней октября 1956 г. венгерская Социал-демократическая партия начала восстанавливаться, ее актив делегировал А. Кетли в качестве представителя СДП в формирующееся коалиционное левоцентристское правительство. В начале ноября А. Кетли отбыла в Вену, где начала работу сессия Социнтерна, а оттуда должна была выехать в Нью-Йорк, чтобы представлять Венгрию на открывавшейся сессии Генассамблеи ООН и выступить там от имени правительства И. Надя с требованием обеспечения гарантий венгерского нейтралитета. Обратившись домой она до конца жизни так и не вернулась, поскольку правительство И. Надя было свергнуто уже 4 ноября. Позиционируя себя на Западе как министр незаконно низложенного венгерского правительства, А. Кетли в апреле 1957 г. адресовала в ООН меморандум. В нем было подчеркнута, что сформированное в условиях венгерской революции коалиционное правительство И. Надя стремилось выражать волю народа, восставшего против диктатуры, и вплоть до проведения в стране свободных выборов только оно могло считаться носителем легитимной власти. Согласно меморандуму Кетли, к 3 ноября 1956 г. в стране начался процесс консолидации, пресеченный незаконным вмешательством извне, а после интервенции в качестве альтернативной власти, опиравшейся на народную поддержку, стали выступать рабочие советы.

Генерал Бела Кирай (1912–2009), прошедший в начале 1950-х гг. через репрессии режима Ракоши, был в конце октября — начале ноября 1956 г. военным комендантом Будапешта и командующим отрядами формировавшейся национальной гвардии. С началом советской интервенции он в течение нескольких дней пытался координировать вооруженное сопротивление повстанческих отрядов, по крайней мере в масштабе Будапешта и его окрестностей, а затем покинул страну, убедившись в бессмысленности дальнейшего кровопролития. В 1958 г. он был заочно приговорен в Венгрии к смертной казни. На Западе Кирай не только стал виднейшей фигурой венгерской политической

эмиграции, но получил известность как профессор военной истории, опубликовав множество работ, в том числе по истории венгерской революции 1956 г., особенно ее военных аспектов⁹.

Йозеф Кёваго (1913–1996), военный инженер, активный участник антинацистского сопротивления в венгерском офицерском корпусе в конце 1944 г., лишь по счастливому стечению обстоятельств избежавший тогда расстрела, после войны связал себя с Партией мелких хозяев, добившейся большого успеха на выборах в ноябре 1945 г. Будучи мэром Будапешта с декабря 1945 г. по июнь 1947 г., он руководил послевоенным восстановлением столицы, а затем был отстранен коммунистами, одержавшими верх во внутривластной борьбе. В 1950 г. арестованный, Кёваго находился в заключении до сентября 1956 г. С началом октябрьских событий он включился в восстановление Партии мелких хозяев, а 3 ноября (в самый канун советской интервенции) был избран ее генеральным секретарем. 1 ноября он вновь был утвержден правительством И. Надя в качестве мэра Будапешта, но фактически так и не успел приступить к этой работе, ушел в подполье со смелой властью, а 1 декабря нашел возможность покинуть страну.

Первый, предварительный доклад комитета был представлен Генассамблее ООН 20 февраля, более полный — обнародован 7 июня¹⁰, а 14 сентября одобрен специальной резолюцией на XI сессии Генассамблеи ООН¹¹. В документе объемом более 200 печат-

9 Не ограничиваясь военной историей, Кирай обращался и к дипломатическим аспектам тех событий. В целом ряде работ он касался и обсуждения в ООН венгерского вопроса. См., в частности, на английском языке коллективный труд под его редакцией: *The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious, 1956–1999* / ed. L. Congdon, B. Király. Boulder, CO; Highland Lakes, NJ; New York, 2002.

10 В МИД СССР неизменно связывали выбор дат со стремлением отвлечь внимание от обсуждения выдвинутых СССР инициатив в области разоружения, переключив его на «венгерский вопрос».

11 Текст резолюции от 14 сентября 1957 г. под номером 1133 доступен в официальной публикации материалов XI сессии Генассамблеи ООН: *United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly from 10 to 14 September 1957 during its Eleventh Session*. New York: UN, 1957. Резолюция была принята большинством голосов (60 — за, 10 — против, 10 воздержавшихся). Выступая 8 сентября 1957 г. по американскому телевидению в связи с открытием XII сессии Генассамблеи ООН, постоянный представитель США при ООН К. Лодж вновь заверил СССР, что Соединенные Штаты, поддерживая борьбу венгров за свободу, отнюдь не рассматривают Венгрию в

ных страниц была предпринята попытка (одна из наиболее удачных из сделанных по свежим следам «будапештской осени») проанализировать причины венгерского восстания, подробно реконструировать ход событий начиная с 23 октября 1956 г., в том числе и на первом этапе кадаровской консолидации. Поскольку сведения, почерпнутые из бесед с беженцами, не всегда можно было подвергнуть должной верификации, в отчет, в целом отличавшийся относительно высоким уровнем анализа внутривосточных процессов, попала вместе с тем и непроверенная информация, искажавшая реальное положение дел. Это дало лишний повод для нападок в советской прессе: в «Правде», «Известиях», еженедельнике «Новое время», журнале «Международная жизнь» к концу лета — началу осени 1957 г. уделялось все большее внимание развязанной на Западе в связи с открытием очередной сессии Генассамблеи ООН новой «шумихе по венгерскому вопросу». Одним из характерных пропагандистских приемов было обвинение комитета в замалчивании якобы имевших место фактов массовой заброски в Венгрию в ноябре 1956 г. диверсантов и переправки оружия через австрийскую границу. В кадаровской Венгрии создавались коллективные письма протеста против продолжающегося вмешательства во внутренние дела ВНР. Так, под письмом, опубликованным в главной венгерской партийной газете «Népszabadság» 13 сентября 1957 г., стояли подписи более 200 литераторов, продемонстрировавших тем самым лояльность власти, надолго сломившей сопротивление немалой части творческой интеллигенции. Однако все это не оказало реального влияния на работу комитета. Его отчет, представленный Генассамблее и опубликованный большим тиражом, занял важное место в литературе своего времени, посвященной осмыслению венгерской революции¹².

качестве своего потенциального союзника, считают более реальным проведение свободной Венгрией политики нейтралитета. См.: *Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet zona, 1945–1990. Kronológia.* Budapest, 1994. 161. old. Более того, ни в вышеупомянутой, ни в других резолюциях Генассамблеи во избежание усиления конфронтации с СССР не содержалось упоминаний о декларированном правительством И. Надя в начале ноября 1956 г. выходе Венгрии из Организации Варшавского договора.

12 United Nations. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. General Assembly. Official Records: Eleventh Session. Supplement No. 18 (A/3592). New York, 1957. В Москве для строго ограниченного служебного пользования был сделан в качестве сугубо секретного документа

В резолюциях XII сессии Генассамблеи вновь осуждались советская интервенция, массовое подавление в Венгрии демократических свобод, было выражено сожаление, что нынешние власти страны отказались каким-либо образом сотрудничать со специальным комитетом, не допустив в страну наблюдателей ООН. На основании доклада комитета подчеркивалось, что Советский Союз лишил Венгрию свободы в нарушение Устава ООН, в резолюциях содержались повторные требования к СССР о выводе советских войск из Венгрии, а к правительству Кадара — о прекращении репрессий, создании условий для проведения свободных выборов. Как и в случае с требованиями резолюций Генассамблеи ООН по «венгерскому вопросу», принятых на ее предыдущей, XI сессии, все эти призывы к Москве и Будапешту остались безответными. Устав ООН, на который охотно ссылалась каждая из сторон, вообще предоставлял поле для разных интерпретаций. Так, в совместной советско-венгерской декларации, обнародованной по итогам визита венгерской делегации во главе с Я. Кадаром в СССР 21–28 марта 1957 г., было сказано, что Советский Союз действовал в духе Устава ООН, когда воспрепятствовал реставрации «фашистских порядков» в Венгрии¹³. В попытках дискредитировать деятельность специального комитета по Венгрии пропаганда советского блока также постоянно ссылалась на Устав ООН, отдельные положения которого якобы ставили под сомнение легитимность комитета.

Критике с трибуны ООН подвергалось и сознательное стремление СССР уклониться от принятия на себя каких-либо обязательств по оказанию гуманитарной помощи беженцам, несмотря на то, что сама проблема массового исхода из Венгрии явилась следствием советской интервенции. Советский Союз, как известно, не подписал Женевскую конвенцию 1951 г., определявшую юридический статус беженцев. Этот принятый в условиях холодной войны документ

полный перевод доклада на русский язык (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 2–3). На венгерском языке отчет впервые был опубликован в 1961 г. в Мюнхене усилиями эмиграции, а в 1983 г. впервые появился в самиздате в кадаровской Венгрии. Первое легальное издание в Венгрии пришлось на 1989 г. Под эгидой ООН был подготовлен также ряд изданий международного комитета юристов, в которых советские действия в Венгрии оценивались с точки зрения международного права. См., в частности: *The Hungarian Situation and the Rule of Law. The Hague, 1957.*

13 Правда. 1957. 29 марта.

подавался советской внешнеполитической пропагандой как инструмент проведения политики, направленной против СССР и его союзников. Непризнание Женевской конвенции проявилось и в советской официальной позиции при обсуждении в ООН проблемы венгерских беженцев. Однако полностью игнорировать призывы, звучавшие с трибуны ООН, в Москве не могли — это ударило бы по престижу Советского Союза. Постоянным представителем СССР при ООН А. А. Соболевым были получены циркулярное письмо и памятная записка Генерального секретаря ООН и Верховного комиссара ООН по делам беженцев от 11 марта 1957 г. по вопросу об оказании помощи беженцам. В письме содержался призыв к советскому правительству принять участие в международных усилиях по оказанию соответствующей помощи с тем, чтобы проблема могла быть разрешена в текущем году¹⁴. Хотя на письмо не был дан ответ, в МИД СССР предполагали не оставить это обращение без всякой реакции, а напомнить структурам ООН о советской экономической помощи Венгрии¹⁵.

На заседании Президиума ЦК КПСС 5 сентября 1957 г. при обсуждении проекта директив советской делегации на XII сессии Генассамблеи ООН было решено избрать и последовательно выдержать наступательную тактику¹⁶. Делегациям стран — членов ООН советской стороной был роздан контрпропагандистский документ: отчет делегации шотландских горняков, посетившей Венгрию в апреле — мае 1957 г. при содействии компартии Великобритании. В отчете не только нашли отражение положительные впечатления от хода «нормализации» в Венгрии, но и, по сути, был изложен официальный советский взгляд на истоки событий октября — ноября 1956 г.¹⁷

14 АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Папка 52. Д. 17. Л. 1–8.

15 Показательна помета на составленной в аппарате МИД СССР записке по этому вопросу: «Венгрия от помощи ООН не отказывалась. Подумайте, не следовало ли бы сообщить ООН о размерах нашей помощи Венгрии» (подпись неразборчива). Там же. Л. 1.

16 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. С. 264. Как было записано в директивах, «делегация должна выступать против попыток использовать “венгерский вопрос” в ущерб социалистическому лагерю и отводить всякие попытки западных держав превратить предстоящую сессию Генеральной Ассамблеи в трибуну “холодной войны”» (Там же. С. 1012).

17 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 1010–1011; АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 41–52.

С представлением своего доклада на сессии Генассамблеи ООН специальный комитет не завершил работу, продолжив изучать ситуацию в Венгрии, и в том числе собирать материал о репрессиях властей против участников революции. 20 декабря 1957 г. представитель спецкомитета обратился в МИД Венгрии с запросом о предоставлении разъяснений в связи с поступающими сообщениями о готовящихся в стране судебных процессах над лицами, причастными к восстанию 1956 г., включая тех, кто занимал высокие государственные должности¹⁸. Венгерская дипмиссия в США отказалась передать это письмо своему правительству, квалифицировав его как незаконное вмешательство во внутренние дела страны.

17 июня 1958 г. в газете «Правда», как и в прессе других социалистических стран, было опубликовано довольно пространное Сообщение министерства юстиции ВНР о состоявшемся судебном процессе по делу Имре Надя «и его сообщников». На закрытом суде, проходившем в Будапеште, в качестве главного обвиняемого выступал бывший премьер-министр, ветеран компартии, в октябре — ноябре 1956 г. поддержавший основные требования антитоталитарной революции и движения за национальный суверенитет и не воспрепятствовавший начавшемуся демонтажу однопартийной политической системы. Обнародованное заключение суда вменяло ему в вину организацию заговора и развязывание контрреволюционного мятежа, направленного на свержение законного строя в ВНР. Приговор был зачитан 15 июня и уже на рассвете следующего дня приведен в исполнение, о чем незамедлительно скупыми информационными сводками сообщили венгерская пресса и радио. Речь в данном случае шла не о полностью вымышленном, сфабрикованном деле (как это было в период больших московских процессов 1936–1938 гг. или в случае с «делом Райка» в Венгрии 1949 г.), а «всего лишь» о нарочитой попытке придать криминальную окраску реальным действиям облеченного властью политика, предпринятым в целях безотлагательного разрешения острого внутривнутриполитического конфликта, охватившего страну. Независимо от эффективности и результативности этих действий, которые и на Западе зачастую подвергались критике как тактически не оптимальные в сложившейся ситуации, многие западные комментаторы расценили дело И. Надя как первый в советской сфере влияния и, как потом оказалось, в сущности, последний громкий концепционный (т. е. искусственно сконструированный в соответствии с определенной схемой) судебный

18 АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Пор. 17. Папка 60. Л. 23–26.

процесс, проведенный уже в несколько иной политической атмосфере, после XX съезда КПСС и разоблачения на нем Сталина и его политической практики.

Весть о казни Имре Надя, в считанные часы разнесенная мировыми информагентствами, вызвала в международном общественном мнении настоящий взрыв негодования (в том числе и в левых, близких к западным компартиям кругах)¹⁹. На сообщения из Будапешта не могла не последовать реакция и в ООН. Постоянный представитель США при ООН Г. К. Лодж в своем публичном заявлении сравнил казнь И. Надя с самыми жестокими злодеяниями сталинского режима, что нашло отражение и в американской дипломатической ноте, адресованной в Будапешт²⁰. 21 июня срочно собравшееся заседание специального комитета по венгерскому вопросу указало на грубое попрание решений ООН и вероломное нарушение прежних, обнародованных в прессе обязательств не привлекать И. Надя и его соратников к ответственности²¹. Комитет обратился ко всем делегациям стран — членов ООН с призывом предоставить в его распоряжение любую имеющуюся информацию о конкретных обстоятельствах ареста, суда и казни И. Надя. Его особое возмущение вызвал тот факт, что казненный вместе с И. Надем министр обороны в его правительстве генерал П. Малетер был, вопреки элементарным нормам международного права, арестован, пребывая в положении официального лица, в ходе советско-венгерских переговоров о выводе войск, при том, что сам факт переговоров получил подтверждение и с советской, и с венгерской стороны на заседании Совбеза ООН 3 ноября 1956 г. Отдельные письма были адресованы министерствам иностранных дел Венгрии, СССР, а также Румынии, куда И. Надя и ряд связанных с ним лиц, позже

19 См.: *Тыкалин А. С.* «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // *Славяне и Россия в системе международных отношений* / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 275–295.

20 *Magyar-amerikai diplomáciai jegyzékváltás 1958 őszén* // *Múltunk*. 1996. № 1. 69–84 о.

21 *Yearbook of the United Nations 1958*. New York, 1959. P. 68. Такие обязательства давались представителями правительства Я. Кадара в ответ на обращения югославского правительства, предпринятые после выхода И. Надя и ряда его соратников из здания югославского посольства в Будапеште (где они нашли убежище ранним утром 4 ноября с началом советской интервенции), их последующего задержания и депортации 22 ноября в Румынию.

осужденных, были экстрадированы и где они находились в течение нескольких месяцев, причем сам факт их выезда оттуда так и не стал достоянием гласности вплоть до официального сообщения о казни И. Надя²². Эти письма, однако, не были приняты: советский представитель письмо отверг со ссылкой на то, что оно якобы содержит клеветнические измышления относительно роли СССР в вынесении этого приговора; кроме того, было заявлено, что необходимая информация содержится в опубликованных сообщениях венгерского министерства юстиции и других государственных структур ВНР. Специальный комитет ООН на своем заседании принял решение заняться подготовкой нового доклада для Генассамблеи, сосредоточившись на выявлении конкретных обстоятельств репрессий, вызвавших негодование во всем мире. Однако дефицит объективной информации о положении в Венгрии делал эту работу неперспективной.

Новая очередная, XIII сессия Генассамблеи, собравшаяся осенью 1958 г., резолюцией, принятой подавляющим большинством голосов, осудила жестокую расправу над И. Надем и другими оппонентами режима — с соответствующим докладом было поручено выступить видному новозеландскому дипломату Л. Мунро. Репрессии против участников революции 1956 г. продолжались и в дальнейшем, вплоть до 1961 г., хотя их размах заметно снизился. Специальный комитет функционировал до декабря 1958 г., собирая данные о новых политических преследованиях в Венгрии, а затем решением Генассамблеи его деятельность была приостановлена, одновременно учреждалась должность специального представителя ООН по венгерскому вопросу, ее занял Л. Мунро. Инициатива свертывания деятельности специального комитета могла исходить от Хаммаршельда²³. Можно допу-

22 АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Папка 60. Д. 17. Л. 27–32. В письмах содержалась ссылка на то, что 3 декабря 1956 г. на заседании сессии Генассамблеи ООН министр иностранных дел Румынии Г. Преотяса признал, что его страна приняла ряд венгерских граждан по просьбе правительства ВНР, и заверил, что их пребывание в Румынии «будет отмечено всеми правилами гостеприимства» и что будут приняты необходимые меры для обеспечения их личной безопасности, «соблюдены международные правила, относящиеся к предоставлению политического убежища».

23 Его личную роль в принятии этого решения акцентировал, в частности, и генерал Б. Кирай. См.: *Király B. Az ENSZ és a Magyar forradalom // A Magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956–1999)*. Budapest, 2001. 139–143. old.

стить, что генеральный секретарь ООН, прилагавший со своей стороны усилия для налаживания советско-американского диалога на высшем уровне, не хотел, чтобы активное муссирование в ООН «венгерского вопроса» сорвало непосредственную встречу лидеров двух держав.

Уже после роспуска специального комитета не обошлось без громкого скандала. Датский дипломат П. Банг-Йенсен, секретарь комитета, игравший решающую роль в его работе и в подготовке доклада 1957 года, был найден мертвым в нью-йоркском парке в ноябре 1959 г. при не до конца проясненных обстоятельствах (по официальной версии ФБР, покончил жизнь самоубийством). Известно, что Банг-Йенсен не только был принципиальным противником роспуска спецкомитета, но и подвергался шантажу спецслужб советского блока, намеревавшихся овладеть списками тех, кто предоставлял комитету информацию (списки были им уничтожены, что в свою очередь вызвало недовольство и разбирательство в структурах ООН, поскольку он не передал эти списки в Секретариат ООН, опасаясь, что они окажутся в руках советских представителей и это повлечет за собой преследования в Венгрии родственников лиц, давших показания)²⁴.

Еще до суда по делу И. Надя, 5 апреля 1958 г., в дни визита Н. С. Хрущева в Будапешт, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко беседовал с недавно назначенным министром иностранных дел Венгрии Э. Шиком, на долю которого выпали поиски путей выхода страны из внешнеполитической изоляции, в которой она оказалась вследствие незаконной смены власти в ноябре 1956 г.²⁵ Речь зашла о том, что, поскольку положение в Венгрии при советской помощи заметно стабилизировалось и не дает оснований ожидать новых эксцессов, «венгерский вопрос» в ООН утратил свое прежнее значение, сохраняется больше по инерции, подпитываясь западной пропагандой. По мнению главы советской дипломатии, он не должен был

24 Обстоятельства его гибели попытались восстановить авторы некоторых работ, предложившие свои версии причин произошедшего: *Lidegaard B. A legmagasabb ár. Povel Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959. Budapest, 2000; Nagy A. A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben. Budapest, 2005.*

25 Эндре Шик (1891–1978) со времен пленения в ходе Первой мировой войны и до августа 1945 г. жил в России, затем в СССР, где стал ведущим экспертом Коминтерна по Африке и одним из признанных основоположников советской африканистики. В советской академической среде более известен как Андрей Александрович Шийк.

вызывать больших беспокойств: «Время — наш лучший союзник»²⁶. Тем не менее продолжавшееся включение «венгерского вопроса» в повестку дня каждой новой очередной сессии Генассамблеи ООН вызывало неудобства для правительства Кадара, поскольку мешало выведению страны из внешнеполитической изоляции, в которой она оказалась в связи с непризнанием или неполным признанием новой власти на международной арене: фактически у кадаровской Венгрии к весне 1958 г. не были сведены к минимуму дипломатические отношения только с узким кругом стран, строящих социализм. Определенную готовность к оживлению контактов демонстрировали некоторые страны «третьего мира» (в частности, Индия, Египет), а из европейских некоммунистических стран разве что Финляндия, находившаяся в особых отношениях с СССР. В случае же с другими государствами аккредитованные в Будапеште их диппредставительства (как правило, во главе с временными поверенными) были полномочны заниматься почти исключительно решением консульских вопросов.

Первые реальные шаги по прорыву дипломатической изоляции могли быть предприняты только после того, как несколько затихла международная кампания по осуждению режима Кадара, вызванная казнью И. Надя и поставившая этот режим в еще менее выгодное положение в глазах мирового общественного мнения. В Будапеште по согласованию с Москвой выработали соответствующий план действий. В ходе его реализации уже осенью 1958 г. были достигнуты некоторые успехи: посещение Э. Шиком в октябре Вены стало важным шагом к установлению полноценных дипломатических отношений с Австрией и признанию с ее стороны кадаровского правительства. К этому времени была полностью снята с повестки дня еще недавно острая проблема венгерских беженцев, а заинтересованность Вены в ослаблении напряженности на восточной границе Австрии оказалась самым действенным аргументом в пользу подвижек в ее политике на венгерском направлении.

В целях ускорения прорыва в дипломатических отношениях с другими западными странами Будапешт попытался воспользоваться нерешенной проблемой Миндсенти. Жесткий антикоммунист, глава католической церкви Венгрии кардинал Й. Миндсенти, освобожденный из заключения и активно включившийся в дни революции осени 1956 г. в политику на правом, консервативном фланге общественной жизни, в ночь на 4 ноября, с началом советской интервенции, нашел

26 Magyar Országos Levéltár. XIX-J-1-j-SzU-26/a — Szn-1958. I. 1–5.

убежище в здании дипломатической миссии США в центре венгерской столицы. Поскольку пребывание столь высокопоставленного иерарха на территории американской дипмиссии оставалось на протяжении многих месяцев тяготившим Вашингтон вопросом, требовавшим своего разрешения, дипломатия США должна была идти на контакт с венгерским правительством в деле Миндсенти. Зная о желании американцев снять с себя ответственность за кардинала, не прекратившего оппозиционной активности и в стенах миссии, настаивавшего на проведении пресс-конференций для своих публичных заявлений и т. д., правительство Кадара предпочло превратить дело Миндсенти в предмет торга с Вашингтоном. Для самих венгерских властей в любом другом статусе, кроме ампула политического беженца, укrywшегося в диппредставительстве США, кардинал был бы еще менее удобен. Ведь его арест вызвал бы новый всплеск негодования в мире и мог осложнить внутривполитическую консолидацию в Венгрии, оставление же его на свободе в самой стране сделало бы его центром притяжения оппозиции, а отъезд за границу создал бы кадаровским властям новые проблемы во взаимоотношениях как с католическим клиром, так и с венгерской паствой, лояльной своему законному иерарху. Помимо всего прочего, пребывание самого ярого врага режима под американским «крылышком» было удобно тем, что всегда могло дать повод для дежурных антиамериканских и вообще антизападных заявлений, когда в них появлялась бы необходимость.

Иными словами, в отношении Миндсенти венгерское правительство в сущности устраивало существующее положение, при котором кардинал фактически находился в изоляции, в отрыве от своих сторонников, а вся ответственность за его действия и публичные заявления ложилась на приютившую его американскую сторону, которой пребывание кардинала в миссии, напротив, доставляло неудобства. Исходя из этого, правительство Кадара попыталось не только резко завысить цену за свое разрешение на беспрепятственный выезд Миндсенти из страны, но и увязать саму эту проблему с перспективой снятия «венгерского вопроса» с повестки дня ООН. Повод представился с кончиной 9 октября 1958 г. римского папы Пия XII. Уже на следующий день посольство США в Италии отправило в Госдепартамент письмо, в котором предложило связаться со Святейшей коллегией, чтобы та настояла на выезде Миндсенти в Рим для участия в выборах нового понтифика. Не дожидаясь ответа из Вашингтона, посольство предприняло самостоятельные шаги. В результате из Ватикана в Будапешт было послано приглашение для Миндсенти.

Американская дипломатия прозондировала почву, не разрешит ли венгерское правительство примасу выехать, ограничившись лишь получением гарантий, что он не будет заниматься политической деятельностью. Однако правительство Кадара, переоценив свои силы, потребовало большего за уступку. Оно дало понять в ходе дипломатических контактов, что в обмен на право выезда кардинала из Венгрии ожидает от США инициативы по исключению «венгерского вопроса» из повестки дня ООН. А осознав, что этого не произойдет (ведь резолюция Генассамблеи с осуждением казни И. Надя была принята всего за месяц до этого), прервало переговоры, сославшись на то, что вопрос о Миндсенти — внутреннее дело Венгрии: его судьба как гражданина этой страны не может стать предметом внешнеполитической сделки, лишь венгерские компетентные органы вправе решать, надо ли его судить, можно ли выпустить за границу и т. д. Торг, таким образом, не состоялся. Возможность решения проблемы была упущена, само предложение позволить Миндсенти покинуть страну было использовано в пропагандистских целях для обвинений США во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства. Кстати, и сам кардинал не очень-то хотел уезжать, согласившись с предложением лишь после долгих уговоров. Миссия США в Будапеште доносила в Вашингтон, что поведение гостя не облегчает решение проблемы и только Ватикан может повлиять на него²⁷. В Вашингтоне в результате пришли к выводу, что венгерское правительство в целом удовлетворено статус-кво в деле Миндсенти и считает, что для США оно создает больше неудобств, чем для Венгрии²⁸.

Что же касалось сохранявшегося присутствия «венгерского вопроса» в повестке дня ООН, то оно, напротив, доставляло неудобства именно кадаровской Венгрии, блокируя ее представительство в организации и мешая выходу страны из внешнеполитической изоляции. В декабре 1959 г. по нему была вынесена очередной, XIV сессией Генассамблеи новая резолюция, в которой было указано на сохранявшееся в Венгрии жестокое, вплоть до вынесения смертных приговоров, преследование политических оппонентов — участников событий

27 *Borhi L.* “We Hungarian Communists are Realists”: János Kádár’s Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967 // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 12–24.

28 *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1958–1960 / general editor: G. W. LaFantasie. Washington, 1993. Vol. 10. Part 1. Eastern Europe Region; Soviet Union; Cyprus. P. 54–59.

1956 г. Режим Кадара был в очередной раз подвергнут критике за невыполнение резолюций ООН.

Между тем продолжавшаяся две недели поездка Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 г., его встречи с Д. Эйзенхауэром показали, что «венгерский вопрос» к этому времени явно не относился к числу факторов, оказывавших сколько-нибудь существенное влияние на отношения сверхдержав. Все меньшая внешнеполитическая значимость этого вопроса побуждала правительство Кадара к новым усилиям в целях добиться его снятия с повестки дня Генассамблеи. И в этой связи было признано необходимым заняться более активно решением проблемы Миндсенти. Предполагалось выступить перед США с соответствующей инициативой после встречи Хрущева и Эйзенхауэра, намеченной на май 1960 г. (венгерско-американские отношения находились в прямой зависимости от состояния советско-американских). В Будапеште, исходя из прошлого опыта, понимали, что просто занижить цену сделки (ограничившись лишь согласием на выезд Миндсенти) не получится, и в апреле 1960 г., чтобы улучшить климат предстоявших переговоров, объявили частичную амнистию осужденных за участие в событиях 1956 г., поданную как знак доброй воли. Однако встреча лидеров двух сверхдержав не состоялась (помешал американский самолет-разведчик, сбитый в небе над Уралом 1 мая 1960 г.), советско-американские отношения вновь ухудшились, и обращение Будапешта с инициативой к Вашингтону оказалось бы несвоевременным, тем более в свете предстоявших в США президентских выборов и ожидаемой смены администрации²⁹.

Решение ни одной из существовавших у Венгрии в ее отношениях с Западом проблем не продвинулось на открывшейся в сентябре 1960 г. в Нью-Йорке очередной, XV сессии Генассамблеи, в которой лично приняли участие как Хрущев, так и Кадар, получивший возможность с трибуны ООН изложить собственную версию происходившего в Венгрии и вокруг нее осенью 1956 г. и позже. К этому времени в Венгрии не только были объявлены две амнистии, но и репрессии

29 См. об этом также в более широком контексте венгерско-американских отношений с акцентом на роль Я. Кадара в их развитии: *Borhi L. Kádár és az Egyesült Államok // Múltunk*. 2012. № 1. 35–74 old. Для понимания общей позиции Кадара показательным его мнение, выраженное на заседании Политбюро ЦК ВСРП в мае 1965 г.: «Мы, венгерские коммунисты, реалисты и понимаем, что Соединенные Штаты никогда не станут социалистической страной, из этого мы и исходим в своей политике» (*Ibid.* 38. old.).

стали носить все более точечный характер, что отвечало новой идеологии кадаровских властей: «Кто не против нас, тот с нами». Стабильной была и экономическая ситуация в стране с тенденцией к повышению уровня жизни. Положение в Венгрии не привлекало столь же большого внимания мирового сообщества, как двумя годами ранее, тем не менее и осенью 1960 г. на сессии Генассамблеи была принята новая резолюция, напомнившая миру о нерешенности «венгерского вопроса» и указавшая, в частности, на продолжающееся пребывание в тюрьмах политических заключенных, осужденных за причастность к событиям октября — ноября 1956 г.

То же повторилось и годом позже: осенью 1961 г. в резолюции XVI сессии Генассамблеи было указано на невыполнение Венгрией требований предыдущих решений ООН. Более того, установление в августе 1961 г. берлинской стены дало американской дипломатии повод использовать на этой сессии «венгерский вопрос» в ряду инструментов давления на Москву в целях урегулирования нового берлинского кризиса. Таким образом, сохранялись многие прежние препятствия для активизации дипломатических отношений, а опосредованно и выгодных экономических связей Венгрии с некоммунистическими странами³⁰.

Вместе с тем приход к власти в США в январе 1961 г. президента Дж. Кеннеди, склонного к поискам путей решения унаследованных от «эпохи Эйзенхауэра» застарелых и не слишком существенных в глазах новой администрации международных проблем, в перспективе создавал более благоприятные условия для венгерско-американского диалога. Уже в течение 1961 г. Будапешт инициировал неформальные дипломатические контакты с Вашингтоном в целях выяснения условий пересмотра прежней жесткой линии правительства США по «венгерскому вопросу» в ООН. Все это делалось с ведома и при поддержке советской стороны. Так, 3 июня 1961 г., еще до установления берлинской стены, первый замминистра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов направил записку в ЦК КПСС, в которой излагалась просьба МИД Венгрии сообщить мнение Москвы относительно плана мероприятий, направленных на исключение «венгерского вопроса» из повестки дня ООН. В Будапеште исходили из того, что «венгерский вопрос», хотя и стоял в повестке дня завершившейся XV сессии Генассамблеи ООН, почти не обсуждался, что свидетельствовало о потере интереса к нему.

30 Что касается проблемы Миндсенти, то она была решена только в 1971 г., когда состоялся его выезд из Венгрии.

В Вашингтоне уже не настаивали на поездке в Венгрию курировавшего «венгерский вопрос» спецпредставителя ООН Л. Мунро, предложив пригласить в страну формально не связанного с резолюциями, принятыми по этой теме, председателя XV сессии Ф. Болэнда. По мнению МИД ВНР, согласие на приезд Болэнда не явилось бы принципиальной уступкой с венгерской стороны, но могло бы содействовать снятию всего вопроса с рассмотрения в ООН. Как отмечалось далее в записке В. В. Кузнецова, в МИД Венгрии, осознавая тесную связь «венгерского вопроса» в ООН с общим состоянием венгеро-американских отношений, хотели довести до сведения Госдепа США готовность ВНР обсуждать и принимать на основе взаимности меры, направленные на нормализацию отношений между двумя странами (первым шагом должно было стать смягчение режима пребывания дипломатических представителей США в ВНР). В ЦК КПСС поддержали усилия на этом направлении. Посольству СССР было поручено сообщить Э. Шикю мнение Москвы о целесообразности проведения мероприятий, направленных на снятие «венгерского вопроса» с обсуждения в ООН, как и вообще на нормализацию венгерско-американских отношений³¹.

С венгерской стороны с марта 1962 г. переговоры по всему комплексу венгеро-американских отношений вел Я. Радваньи, дипломат в то время в должности временного поверенного Венгрии в США³². В ходе своих контактов с представителями администрации Кеннеди он привел доказательства произошедшей в Венгрии внутривластной стабилизации, делавшей, по мнению венгерского правительства, еще более обоснованным обсуждение положения в стране на международных форумах³³. Поскольку любое напоминание о необходимости полной амнистии осужденных за участие в событиях 1956 г. как условия прекращения обсуждения в ООН «венгерского вопроса» вызывало отпор Будапешта, квалифицировавшего это не иначе как вмешательство во внутренние дела, с американской стороны предпочитали обходиться без прямого требования амнистии. Однако Вашингтон дал понять, что мировое сообщество ожидает от венгерских властей «некоторых жестов», которые засвидетельствовали бы, что теперь в Венгрии

31 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 925. Л. 253–256.

32 Впоследствии, в 1967 г., порвавший со своим правительством и ставший невозвращенцем.

33 Что касается экономической стабилизации в Венгрии, то ее первые признаки были отмечены самими американскими наблюдателями еще в 1959 г. См.: *Borhi L. Kádár és az Egyesült Államok...* 47. old.

проблема 1956 г. закрыта также во внутривластном плане — только это даст основания правительству США инициировать процедуру снятия «венгерского вопроса» с повестки дня ООН или подключиться к соответствующей инициативе, исходящей от других стран. Венгерско-американские дипломатические контакты, направленные на прояснение комплекса условий нормализации двусторонних отношений, продолжались в течение всего 1962 г. Проработавшаяся в это время в США администрацией президента Дж. Кеннеди доктрина «наведения мостов» к странам Восточной Европы делала актуальным с точки зрения стратегии Вашингтона восстановление венгерско-американских отношений в более полном объеме.

Состоявшийся в Будапеште 20–25 ноября 1962 г. VIII съезд Венгерской социалистической рабочей партии вернулся к теме преступлений и злоупотреблений режима М. Ракоши в духе критики Сталина на XXII съезде КПСС. В своем отчетном докладе съезду Кадар заявил, что уже 95 % лиц, осужденных за участие в «контрреволюции» 1956 г., находится на свободе — коммунистическая власть достаточно сильна, чтобы провести самую широкую амнистию. Решения партсъезда были предварительно согласованы с Хрущевым в Москве, куда Кадар выезжал на торжества по случаю 45-летия Октябрьской революции 1917 г. в России. Этому предшествовал в октябре 1962 г. острый Карибский кризис, произведший сильное впечатление на элиты стран советского блока, продемонстрировав им реальную угрозу ядерной войны между сверхдержавами, чреватую вовлечением союзников Москвы в подобный конфликт. Неурегулированность отношений с США была в этих условиях совсем нежелательна. В свою очередь и в Вашингтоне демонстрировали готовность к встречным шагам при сохранении принципиального требования всеобщей амнистии. Венгерская сторона получила неофициальные заверения, что в случае выполнения этого требования Госдепартамент США приложит все усилия для того, чтобы венгерский вопрос был снят с повестки дня ООН.

Официально всеобщая амнистия для лиц, причастных к событиям 1956 г., была объявлена Госсобранием ВНР 21 марта 1963 г., однако, по сути, вопрос был решен уже вскоре после выступления Кадара на партийном съезде³⁴. Инициатива по исключению «венгерского

34 *Sipos L.* Az 1963-os általános közkegyelem // *Múltunk*. 2012. № 2. 150–190. old. На основе большого материала автор доказывает, что давление США не было определяющим фактором, повлиявшим на объявление всеобщей амнистии, иначе этот шаг был бы предпринят раньше: при

вопроса» из повестки дня ООН была проявлена специальным политическим комитетом Генассамблеи ООН 18 декабря 1962 г. и поддержана представителем США. 8 февраля 1963 г. были формально упразднены функции уполномоченного Генассамблеи ООН по венгерскому вопросу³⁵. «Венгерский вопрос» в ООН становился тем самым достоянием истории. Из принятых за шесть с половиной лет десятков резолюций Генассамблеи по этой теме реальный, а не только пропагандистский эффект имели только те, что касались решения проблемы беженцев и оказания им гуманитарной помощи.

Снятие «венгерского вопроса» с повестки дня автоматически привело к восстановлению в ООН приостановленных в ноябре 1956 г. полномочий венгерской делегации, представлявшей правительство Я. Кадара. Таким образом, к 1963 г. вопрос о легитимности кадаровской власти был урегулирован в международном плане. Это предопределило решающий прорыв в преодолении режимом дипломатической изоляции. В частности, уже в том же 1963 г. произошло повышение статуса дипломатических представительств (до уровня посольств) в отношениях Венгрии с Великобританией, Францией, Швецией и целым рядом других стран.

Что же касается поездки генерального секретаря ООН в Венгрию, то Д. Хаммаршельд, погибший в авиакатастрофе в Африке в сентябре 1961 г., так и не успел посетить Будапешт. Это сделал в начале июля 1963 г. его преемник бирманец У Тан. В беседе с Кадаром, о которой тот через неделю, 11 июля, информировал Хрущева во время своей поездки в Москву³⁶, У Тан заверил венгерского лидера в том, что приложит все усилия, чтобы «венгерский вопрос» не был включен в повестку дня следующей, открывавшейся в сентябре сессии Генассамблеи ООН, и вопрос этот действительно не рассматривался. Визит У Тана произвел на Кадара благоприятное впечатление, о чем он подробно говорил

принятии решения Кадар руководствовался прежде всего своей оценкой внутривнутриполитической ситуации. Соглашаясь с автором, можно говорить, однако, о том, что давние внутривнутриполитические цели, требовавшие достижения в интересах повышения устойчивости самого режима, находились в полном созвучии с задачами, актуальными для режима с точки зрения его внешней политики.

35 См. комментарии советской прессы: Конец «венгерского вопроса» (к упразднению поста представителя по венгерскому вопросу в ООН) // Новое время. 1963. № 3.

36 РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 35–63.

Хрущеву, в том числе о выступлении генерального секретаря ООН на митинге перед рабочими Чепеля. Особое удовлетворение венгерского лидера вызвал тот факт, что, «находясь в Венгрии, У Тан сделал одно очень важное заявление, которое от него не ожидали и у него, собственно говоря, не просили. Он сказал, что занимался юридической стороной пребывания советских войск на венгерской территории и пришел к выводу, что это пребывание является вполне законным»³⁷. Вместе с тем У Тан проявил большой интерес к делу И. Надя, пытавшись выяснить, почему была пересмотрена позиция официального Будапешта, в ноябре — декабре 1956 г. дававшего заверения Белграду, что И. Надя не будет предан суду. Кадар старался объяснить это тем, что якобы стали известны новые факты, заставившие «пересмотреть позицию венгерского правительства». Но главный акцент в разговоре с У Таном он сделал на том, что «ни Югославия, ни Венгрия об этом деле не вспоминают и считают его закрытым, а значит, нет необходимости и в том, чтобы его ворошила какая-либо третья сторона»³⁸. К этому времени дело И. Нады действительно не относилось к числу факторов, сильно отягощавших динамично развивавшиеся отношения коммунистических режимов двух соседних стран. По возвращении в Нью-Йорк У Тан не делал критических в отношении венгерского руководства заявлений.

Подводя итоги, следует сказать: начиная с конца октября 1956 г., когда венгерский вопрос был включен в повестку дня Совета Безопасности ООН, а затем передан на рассмотрение чрезвычайной и, в конце концов, в середине ноября 1956 г. — очередной сессии Генассамблеи ООН, трибуна ООН на протяжении ряда лет выступала главной площадкой для публичной критики как советской интервенции в Венгрии, так и репрессий, осуществлявшихся правительством Я. Кадара против участников революции 1956 г., а резолюции ООН по «венгерскому вопросу» были одним из инструментов внешнеполитического давления на СССР и кадаровский режим в Венгрии. При этом реальный эффект резолюций по Венгрии был очень низок, поскольку никакими действенными механизмами влияния на положение в стране структуры ООН не обладали. Определенное практическое значение имели лишь резолюции, направленные на решение гуманитарных проблем, порожденных советским вмешательством в Венгрии, и прежде всего проблемы массового исхода населения из страны. В том,

37 Там же. Л. 42. Советско-венгерское соглашение об условиях пребывания на территории Венгрии советских войск было подписано в мае 1957 г.

38 Там же. Л. 41–42.

что она была в целом успешно разрешена к концу 1957 г., сыграла главную роль деятельность специальных структур ООН, призванных заниматься делами беженцев.

Советская акция октября — ноября 1956 г. в Венгрии не затрагивала непосредственным образом сферу геополитических интересов США и в силу этого не могла оказать долгосрочного влияния на состояние отношений двух сверхдержав — СССР и США, хотя, став своего рода пробным камнем ялтинско-потсдамской системы международных отношений, заставила и Вашингтон, и Москву учитывать «венгерский опыт» 1956 г. в своей последующей внешней политике. Она не явилась препятствием для проведения в сентябре 1959 г. встречи лидеров СССР и США на высшем уровне, а в ходе самих переговоров события осени 1956 г. в Венгрии не стали предметом обсуждения. Забота о собственном престиже периодически заставляла США демонстрировать с трибуны ООН свое неравнодушие к подавлению венгерского восстания и репрессиям против его участников, однако приоритетным для Вашингтона было стремление не сорвать переговорный процесс с Советским Союзом. Он представлялся особенно важным в условиях того вызова, который обозначился с запуском спутника и испытанием межконтинентальных ракет в 1957 г., наглядно продемонстрировавшими техническую мощь страны Советов, а значит, и ее военный потенциал.

В 1957–1958 гг. был в целом преодолен на основе сохранения доминанции КПСС вызванный XX съездом КПСС и усугубленный венгерскими событиями кризис мирового коммунистического движения. В ходе московских ноябрьских 1957 г. совещаний компартий хотя и обсуждались «уроки» венгерского восстания, с советской стороны (в том числе и в ходе контактов с венгерской делегацией) не выражалось какой-либо обеспокоенности по поводу текущего положения в Венгрии³⁹. Длительная поездка Хрущева в Венгрию в апреле 1958 г. лишь убедила его в том, что при интенсивной советской экономической поддержке и в условиях присутствия советских войск режим Кадара заметно консолидировался, так что сама эта страна уже не воспринималась им как слабое звено в советском блоке⁴⁰.

39 Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2013.

40 *Стыкалин А. С., Джалилов Т. А.* «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // *Славянский альманах*. 2022. № 1–2. С. 389–419.

Соответственно, в Москве придавали все меньшее значение сохранявшемуся присутствию «венгерского вопроса» в повестке дня ООН. В свою очередь, и на Западе, осознавая реальный факт экономической и внутривнутриполитической консолидации кадаровского режима при советской помощи, не переоценивали влияние дальнейшего обсуждения этого вопроса в ООН, хотя и продолжали использовать его как один из инструментов давления на кадаровскую Венгрию в целях прекращения репрессий и либерализации внутренней политики режима. Это продолжалось до 1963 г., когда с объявлением режимом Кадара всеобщей амнистии участникам революции 1956 г. вопрос о репрессиях в целом утратил актуальность и вслед за этим «венгерский вопрос» был снят с повестки дня ООН.

Стремление выйти из внешнеполитической изоляции (а снятие «венгерского вопроса» с повестки дня ООН выступало важнейшей из предпосылок такого выхода) способствовало проведению режимом Кадара менее репрессивной внутренней политики, а с начала 1960-х гг. — формированию новой внутривнутриполитической платформы, которая в обмен на отказ от оппозиционной политической деятельности предоставляла гражданам Венгрии больше свобод и возможностей в сфере экономической активности, а венгерской интеллигенции — более широкие творческие свободы. Но сводить все к внешнему давлению через механизмы ООН было бы явным преувеличением. Секретные венгерско-американские контакты, происходившие в начале 1960-х гг., имели не меньший, а больший эффект, нежели шумиха в ООН, но и их значение не стоит преувеличивать. Режим Кадара пошел на всеобщую амнистию и ряд других мер по либерализации внутренней политики в условиях, когда напряженность в стране ослабла, а объективные интересы придания системе большей устойчивости и эффективности функционирования требовали изменения тактики. В стабилизации после 1956 г. венгерской экономики, что сделало возможным подготовку экономической реформы 1968 г. (так и не приведшей, впрочем, к глубокому обновлению системы, а к 1973 г. свернутой), сыграли большую роль советские финансовые вливания⁴¹.

Но важно помнить и о том, что в рассматриваемый исторический период, особенно вследствие Суэцкого кризиса осени 1956 г., трибуна ООН становится важнейшей ареной борьбы сверхдержав (и — шире — общественных систем) за влияние в мире, и прежде всего за влияние на страны пробуждающегося «третьего мира», что отчетливо видно

⁴¹ Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М., 2012.

на примере попыток как СССР, так и США заручиться поддержкой этих государств при обсуждении резолюций по «венгерскому вопросу» или (в случае с СССР) добиться их нейтрализации при вынесении на голосование невыгодных СССР резолюций по Венгрии. Не столько спутник, сколько решительная советская линия в защиту Египта во время Суэцкого кризиса сильно повысили престиж СССР в «третьем мире», со всей отчетливостью поставив перед «коллективным Западом» задачу сдерживания коммунизма в освободившихся странах Азии и Африки. Для Запада длительное присутствие «венгерского вопроса» в повестке дня ООН имело пропагандистское предназначение: оно должно было напоминать странам «третьего мира» о преимуществах прозападного выбора, ослабляя тем самым советское влияние. После отставки Хрущева советская политика в «третьем мире» стала менее наступательной, а притягательность советского опыта в этих странах к концу 1960-х гг. заметно снизилась. И весьма показательно, что «чехословацкий вопрос», хотя и вызвал в 1968 г. не менее бурное обсуждение, совсем недолго стоял в повестке дня ООН.

При этом страны «третьего мира» были не просто объектом влияния, они все активнее вели собственную игру, балансируя на противоречиях между Западом и Востоком, что особенно проявилось в создании в 1961 г. Движения неприсоединения (предвосхищенном еще решениями Бандунгской конференции 1955 г.)⁴². Можно во многом согласиться с мнением И. В. Гайдука о том, что именно Венгерский и Суэцкий кризисы осени 1956 г. знаменовали собой начало нового периода в истории ООН, когда в условиях системной трансформации международных отношений всемирная организация, хотя и продолжала оставаться ареной конфронтации между Востоком и Западом, вместе с тем постепенно все больше переключалась на проблемы, возникавшие в отношениях «между развитыми в индустриальном отношении странами и их бывшими колониями, обретшими независимость и претендовавшими на большее участие в судьбах мира»⁴³.

«Мы малая страна, нам не нужно к себе слишком большого внимания в мире», — этот тезис, с разными вариациями многократно

42 Показательна в этом плане история интенсивных советско-индийских контактов в рамках ООН в связи с разногласиями двух правительств в «венгерском вопросе» при обоюдном желании избежать его превращения в фактор ухудшения стабильных отношений между СССР и Индией.

43 *Гайдук И. В.* В лабиринтах холодной войны. СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012. С. 229.

формулировавшийся Яношем Кадаром и в записях заседаний его политбюро, и в источниках личного происхождения, очень резко контрастировал с тем, что часто можно было слышать из уст лидеров соседних коммунистических государств — союзнической Румынии и нейтральной Югославии. По сути та же мысль не раз звучала и с международных трибун — на большом совещании компартий в Москве в ноябре 1957 г., на Генассамблее ООН осенью 1960 г. В свете этих установок тем больший дискомфорт вызывало у Кадара и его окружения растянувшееся на несколько лет обсуждение венгерского вопроса в ООН, продолжавшееся и в начале 1960-х, когда режим прочно встал на ноги во внутривнутриполитическом плане, демонстрировал при помощи советских финансовых вливаний неплохие показатели экономического роста. Впрочем, не только Кадар, но и его злейшие противники хорошо осознавали, что чем дальше, тем меньше сохранение венгерского вопроса в повестке дня ООН имело отношение к самой Венгрии. Публицист реформаторского направления Тибор Мераи, бежавший в ноябре 1956 г. через Югославию на Запад, еще в 1958 г. обратил внимание на то, что по мере повышения международного интереса к событиям в Венгрии терялась их сугубо венгерская специфика, так что сама Венгрия благодаря своей «будапештской осени» еще отчетливее представляла всему миру в роли не более чем пешки на «международной шахматной доске»⁴⁴.

Использование любого пропагандистского инструмента и бренда имеет свои временные границы. Хотя задачи политико-идеологического соперничества за влияние в «третьем мире» не потеряли актуальности и после 1963 г., пример Венгрии осени 1956 г. утратил свою свежесть для демонстрации агрессивной советской политики, по мере эволюции кадаровского режима он был «переварен» самим ходом истории — но только если подходить к нему с мерками текущей мировой политики. Будучи выведенной из актуального внешнеполитического контекста и утратив сопровождавший ее пребывание в этом контексте «флёр», венгерская революция 1956 г. с тем большей отчетливостью обнажила свой ярко выраженный национальный характер. Если Венгерский кризис как привязанное к конкретно-исторической ситуации осени 1956 г. событие международных отношений получил окончательное разрешение к началу 1960-х гг., что нашло самое непосредственное выражение в исключении «венгерского вопроса» в 1963 г. из повестки дня

⁴⁴ Мераи Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года. М., 2007. С. 133.

ООН, то сама венгерская антитоталитарная революция октября — ноября 1956 г. явилась более масштабным феноменом и источником исторического опыта для последующих поколений. Ей предстояло оставить след в венгерской национальной памяти не в качестве довольно второстепенного инструмента противоборства двух сверхдержав за влияние в мире, а как именно венгерской «национальной трагедии», заняв свое почетное место в ряду наиболее культовых событий всей 1000-летней национальной истории, а день 23 октября с падением коммунизма в 1989–1990 гг. был объявлен на законодательном уровне национальным праздником Венгрии.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Magyar Országos Levéltár.

Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012. 331 с.

Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М.: РОССПЭН, 2013. 624 с.

Мераи Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года. М.: Логос, 2007. 272 с.

Новое время. 1963.

Правда. 1957.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.

Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. 576 с.

Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 720 с.

Стыкалин А. С. Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН // Славяноведение. 2022. № 3. С. 32–51. DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3.

Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 275–295.

Стыкалин А. С., Джалилов Т. А. «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не

понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia / szerk. Békés Cs., Kecskés G. Budapest: Magyar ENSZ Társaság, 2006. 239 o.

Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet zona, 1945–1990. Kronológia. Budapest: MTA Történettudományi Intézete, 1994. 205 o.

Borhi L. Kádár és az Egyesült Államok // *Múltunk*. 2012. № 1. 35–74 o.

Borhi L. “We Hungarian Communists are Realists”: János Kádár’s Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967 // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 12–24.

Calhoun D. F. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham: University Press of America, 1991. 591 p.

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960 / general editor: G. W. LaFantasie. Washington: United States Government Printing Office, 1993. Vol. 10. Part 1. Eastern Europe Region; Soviet Union; Cyprus. 860 p.

Király B. Az ENSZ és a Magyar forradalom // A Magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956–1999). Budapest: Atlanti, 2001. 130–146 o.

Lidegaard B. A legmagasabb ár. Povl Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959. Budapest: Magyar Könyvklub, 2000. 220 o.

Magyar-amerikai diplomáciai jegyzékváltás 1958 őszén // *Múltunk*. 1996. № 1. 69–84 o.

Nagy A. A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 2005. 400 o.

Sipos L. Az 1963-os általános közkegyelem // *Múltunk*. 2012. № 2. 150–190 o.

The Hungarian Situation and the Rule of Law. The Hague: International Commission of Jurists, 1957. 144 p.

The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious, 1956–1999 / Ed. L. Congdon, B. Király. Boulder, CO; Highland Lakes, NJ; New York: Columbia University Press, 2002. 352 p.

United Nations. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. General Assembly. Official Records: Eleventh Session. Supplement No. 18 (A/3592). New York: United Nations, 1957. 268 p.

United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly from 10 to 14 September 1957 during its Eleventh Session. New York: United Nations, 1957. 4 p. URL: <https://www.un.org/disarmament/wp-content/uploads/2017/02/A-3572-Add1.pdf> (accessed: 10.02.2023).

Yearbook of the United Nations 1958. New York: United Nations — Office of the Public Information, 1959. 565 p. DOI: <https://doi.org/10.18356/9a48b9c8-en>.

References

Békés, Cs., Kecskés, G (Eds.). *A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia*. Budapest: Magyar ENSZ Társaság, 2006, 239 p.

Borhi, L. *Az Egyesült Államok és a szovjet zona, 1945–1990. Kronológia*. Budapest: MTA Történettudományi Intézete, 1994, 205 p.

Borhi, L. “Kádár és az Egyesült Államok.” *Múltunk*, 2012, no. 1, pp. 35–74.

Borhi, L. “«We Hungarian Communists are Realists»: János Kádár’s Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967.” *Cold War History* (London), vol. 4, no. 2 (January 2004), pp. 12–24.

Calhoun, D. F. *Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History*. Lanham, Maryland: University Press, 1991, 592 p.

Congdon, L., Király, B. (Eds.). *The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious, 1956–1999*. Boulder — Highland Lakes: University Press, 2002, 352 p.

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960, ed. by G. W. La-Fantasia. Vol. 10. Part 1. Eastern Europe Region; Soviet Union; Cyprus. Washington: United States Government Printing Office, 1993, 860 p.

Gaïduk, I. V. *V labirintakh kholodnoi voiny. SSSR i SShA v OON, 1945–1965 gg*. Moscow: IGH RAS, 331 p.

Király, B. *Az ENSZ és a Magyar forradalom. A Magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956–1999)*. Budapest: Atlanti, 2001, pp. 130–146.

Lidegaard, B. *A legmagasabb ár. Povl Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959*. Budapest: Magyar Könyvklub, 2000, 220 p.

“Magyar-amerikai diplomáciai jegyzékváltás 1958 őszén.” *Múltunk*, 1996, no. 1, pp. 69–84.

Mezhdunarodnyje soveshchaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noiabr' 1957 g.). Moscow: ROSSPEN, 2013, 624 p.

Méray, T. *13 dnei. Imre Nagy i vengerskaia revoliutsiia*. Moscow: Logos Publ., 2007, 272 p.

Nagy, A. *A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben*. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 2005, 400 p.

Sipos, L. “Az 1963-os általános közkegyelem.” *Múltunk*, 2012, no. 2, pp. 150–190.
Sovetsko-vengerskije ekonomicheskije otnosheniia. 1948–1973. Dokumenty. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2012, 576 p.

Stykalin, A. S. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2016, 730 p.

Stykalin, A. S. “Vengerskii krizis 1956 goda i diskussii v OON.” *Slavianovedenie*, 2022, no. 3, pp. 32–51. DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3.

Stykalin, A. S. “Delo Imre Nagya” v kontekste sovjetsko-jugoslavske i vengersko-jugoslavske otnoshenii 1950-kh godov.” *Slaviane i Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*, ed. by S. I. Danchenko. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2017, pp. 275–295.

Stykalin, A. S., Dzhaliilov, T. A. “«Dumat', chto kommunisticheskoe obshchestvo budet v predelakh granits Sovetskogo Soiuz, — eto znachit nichego ne ponimat' v kommunizme». Neopublikovannoe vystuplenije N. S. Khrushcheva v Vengrii (aprel' 1958 g.)” *Slavianskii al'manakh*, 2022, no. 1–2, pp. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

Prezidium TsK KPSS. 1954–1964, ed. by A. A. Fursenko. Vol. 1. *Chernovyye protokol'nyje zapisi zasedanii. Stenogrammy*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 1344 p.

The Hungarian Situation and the Rule of Law. The Hague: International Commission of Jurists, 1957, 144 p.

United Nations. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. General Assembly. Official Records: Eleventh Session. Supplement No. 18 (A/3592). New York: United Nations, 1957, 268 p.

United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly from 10 to 14 September 1957 during its Eleventh Session. New York: United Nations, 1957, 4 p. URL: <https://www.un.org/disarmament/wp-content/uploads/2017/02/A-3572-Add1.pdf> (accessed: 10.02.2023).

Yearbook of the United Nations 1958. New York: United Nations — Office of the Public Information, 1959, 565 p. DOI: <https://doi.org/10.18356/9a48b9c8-en>.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06

A. S. Stykalin

The discussion of the “Hungarian Question” in the UN and the problem of Hungary’s Exit from the political isolation, 1957–1963

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The discussion of the “Hungarian Question” in the UN and the problem of Hungary’s Exit from the political isolation, 1957–1963 // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 100–131 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06

Received: 01.12.2022.

Abstract

The most powerful uprising in Budapest on October 23, 1956, which immediately threatened the existence of the communist regime in Hungary, and the entry of Soviet troops in order to suppress it caused a wide international resonance, which on October 28 led to the discussions on the Hungarian question at the UN Security Council, and later, in November, at the UN General Assembly. In November, as tensions in the Middle East following the British, French, and Israeli attacks on Egypt, which had nationalized the Suez Canal, eased, discussions of the situation in Hungary came to the fore at the UN. Facing the opposition from the USSR, the adoption by the UN General Assembly in November-December 1956 of numerous resolutions on Hungary did not bring any real effect, with the exception of those that made it possible to improve the situation of 200,000 Hungarian refugees who rushed to Austria and Yugoslavia after the suppression of the revolution. In 1957, the General Assembly discussed the report of the special UN committee on Hungary, formed to study the situation in the country that had developed as a result of the Soviet military intervention. In the subsequent years, the United States and their allies used the discussion of the “Hungarian question” in the UN for propaganda purposes, in an effort to weaken the Soviet influence on the countries of the awakening “Third World”. At the same time, it occupied an increasingly peripheral position every year. Its subsequent fate was directly dependent on the further evolution of the János Kádár regime. The removal of this issue from the UN agenda in 1963 was a response to the announced general amnesty for the convicted participants of the 1956’s uprising. It finally brought Kádár’s Hungary out of the diplomatic isolation, in which the country found itself after the illegal change of power with the direct Soviet military support in November 1956.

Keywords

Hungarian crisis of 1956, United Nations, János Kádár, foreign policy of the USSR, foreign policy of Hungary, US East European policy, Suez crisis of 1956, anti-colonial movements in the countries of the Third World, the Soviet Bloc, inter-bloc relations in the context of the Yalta-Potsdam systems.